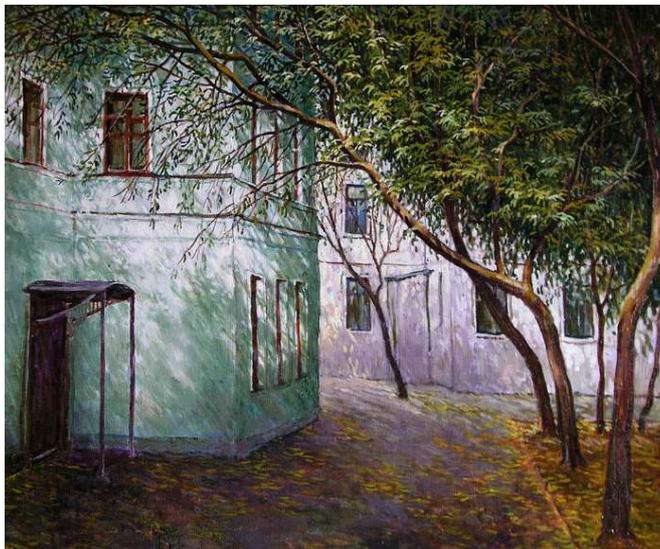

Вяз-самоубийца

Акация шелестит и пахнет над моим балконом. А вяз сломила буря. Еще недавно он упирался ветвями в мое окно, бился, царапался, и я то и дело вздрагивала, как от стука кого-то неведомого в дом. Особенно доставал он меня дождливой и ветреной ночью.

За окошком ветра вой,
Мне опять не спится.
Бьется в стекла головой
Вяз-самоубийца, –

написала я тогда. Стихи, как известно, сбываются. (В простонародье: «накаркала»). Он бился-бился о стекло и обломился. Уродливый обрубок торчал как укор и предостережение. Потом его срубили.

Акация шелестит, залечивая память. «Прекрасные стихи несчастий не боятся, безумье им идет, как сладкий дух акаций», – вертятся на уме строки Кушнера. Но этот вяз навеки привязался ко мне, я никак не могу его забыть. («Но крепко вяжет кровью человеческой», – это из Чичибабина). Я вздрагиваю от непривычной мертвящей тишины за окном. Мне не хватает того стука. «Тук-тук, кто в домике живет?» Теперь до этого никому нет дела. Акация нежна, душиста и тениста, но она живет сама по себе, благоухая на расстоянии, как благовоспитанная барышня, не протягивая мне в окно своих кистей, не вторгаясь в мою жизнь всем своим существом, как тот разбойный безалаберный вяз. От него было темно и сорно в комнате, но я все ему прощала за участие и равнодушие.

Прощаю темень, семени труху
За зелень, сор, без коего стиху
Не вырасти, за веток перестук
Взамен руки, что не протянет друг.
Прощаю скрип и шорох по ночам
За этот свет божественный очам,
За этот ветра пробежавший ток,
Похожий так на детский лопоток...

Тогда, в октябре 2003-го, была страшная буря, которая унесла чуть ли не половину деревьев города. Я запечатлела ее в стихах:

В такую бурю не пройти и метра –
Смерч, словно смерть, сбивает на ходу.
Деревья, искривленные от ветра –
Как грешники, что корчатся в аду.

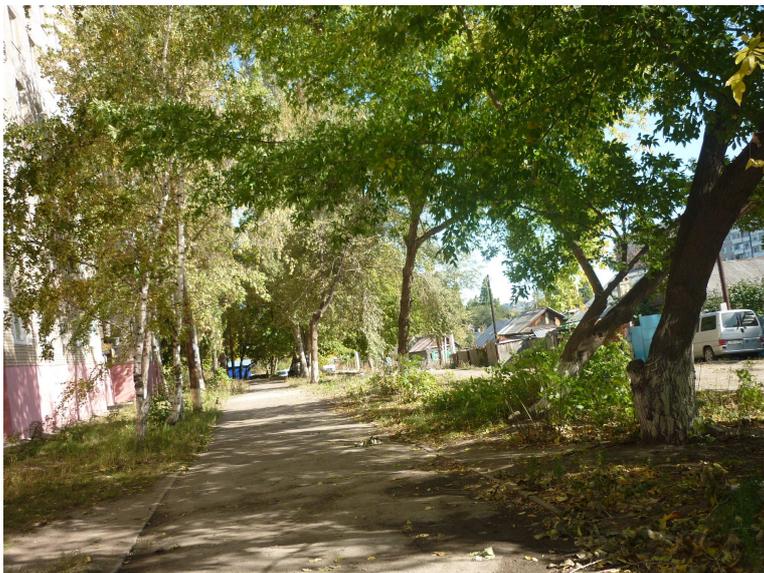
Протягивают сухонькие руки,
Моля тепла, покоя и любви,
И содрогаясь от бессильной муки
Быть понятыми Богом и людьми.

Скрипят деревья, ветру потакая.
Корежит их незримая вина.
И чудится – они нас окликают,
Людские называя имена.

А на моей любимой Лесной аллее, где мы часто гуляем с Линдой, буря «вырвала из рядов» иву, которая осталась теперь только в моих строчках:

Вновь аллея эта в ноги бросилась,
Расстилая листьев одеяло.
Ива-плакса опростоволосилась,
Все свои гребенки растеряла.

И еще – в моем эссе «Невостребованный подарок»: «На середине переулочка взору открывается простоволосая красавица ива, полощущая своими длинными рукавами ветвей по земле». Теперь здесь зияет прогал. «Быть может, это место для меня».

В аптеке бросилась в глаза табличка на груди кассирши: «Буря Ольга Александровна». А на вид такая тихая, спокойная девушка. Как ей живется с такой фамилией? Оправдывает ли она ее, хотя бы в своей внутренней, «изнаночной» жизни? В памяти всплыл Рубцов:

По мокрым скверам проходит осень,
Лицо нахмуря.
На громких скрипках дремучих сосен
Играет буря!

«Буря! Скоро грянет буря!..» «Буря мглою небо кроет...» Ну что ж, пусть будет буря. «Мы помужествуем с ней». И сами собой складывались стихи:

Пусть будет все, что было не с тобою,
Что в тайных генах бредило в крови.
Пусть будет горечь, наслаждение болью,
Потери, бури, ненависть в любви.

Пусть будет все, чего боялась смутно,
Подспудных мыслей отгоняя тень.
Хоть миг прожить беспутно, безрассудно,
Отдав все годы за единый день!

Пусть будут страсти, пропасти, напасти,
В звериной пасти кануть, пасть на дно, –
Безудержный порыв навстречу счастью,
Навстречу жизни, смерти, все равно...

